ПРАВО НА РЕЛИГИОЗНУЮ АВТОНОМИЮ И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрено понятие права религиозной автономии и выделены два его аспекта – внутреннее управление и доктринальная автономия. Исходя из практики Европейского суда по правам человека и институтов Европейского союза сделан вывод о том, что рассматриваемое право не является абсолютным, не получает должной и последовательной защиты. Ввиду ограничительного определения веры и оценки законности религиозных убеждений правоприменительными органами, религиозные меньшинства не могут пользоваться в полном объеме своими правами.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; религиозная автономия; Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод.

Абрис исследования

В современных европейских государствах обычно представлено широкое разнообразие различных организаций, основанных на той или иной вере или системе убеждений. В таких условиях гарантия и защита свободы совести и свободы религии, как в отношении большинства, так и меньшинства, способствует религиозной гармонии и обеспечивает устойчивость политической системы. В этом контексте свобода совести представляет собой ценное достояние для верующих и неверующих, всех, кто находится на территории данной страны. Как закреплено в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция, ЕКПЧ), свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» в значении, принятом Конвенцией. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем [1, 2]. И хотя свобода совести – дело личного выбора человека, относится к его частной жизни, она также включает в себя свободу исповедовать свою религию как индивидуально, так и сообща с другими, что закреплено в ст. 28 Конституции РФ. Поэтому свобода совести подразумевает возможность создания религиозных объединений¹, устанавливающих свои собственные правила религиозной жизни. Исходя из этого многие ученые приходят к выводу о том, что религиозные организации должны пользоваться автономией, которая означает право религиозных объединений (иерархических и конгрегационных) принимать решения и управлять своими внутренними религиозными делами без вмешательства со стороны государственных институтов [3. С. 387–452].

Если обратиться к общеевропейским документам, то можно отметить, что они косвенно предусматривают право на религиозную автономию. Как известно, ст. 9 Европейской конвенции и ст. 10 Хартии основных прав Европейского союза (далее – Хартия) [3] предусматривают защиту свободы религии в ее двух основных измерениях – внутренняя (*forum internum*) и внешняя (*forum externum*) составляющие. Первое является абсолютным по своему характеру защиты, второе – относительным. В ч. 2 ст. 9 Европейской конвенции указано, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям,

которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Как было определено Европейским судом по правам человека (далее – Европейский суд, ЕСПЧ), свобода религии, включающая в себя право проявлять свои убеждения коллективно, предполагает, что верующие могут свободно собираться, без произвольного вмешательства государства. Действительно, автономия религиозных общин является неотъемлемой частью плюрализма в демократическом обществе и, следовательно, выступает центральной для защиты, предоставляемой ст. 9 Европейской конвенции [4].

Таким образом, религиозная автономия защищается правом свободы совести в свете ст. 11 ЕКПЧ, которая защищает свободу собраний и объединений от необоснованного вмешательства со стороны государства. Это подразумевает, что религиозная автономия является не абсолютной, поскольку проявления свободы совести или убеждений могут быть подвержены ограничениям, которые предписаны законом и необходимы в демократическом обществе для достижения законных целей. Другими словами, внутренние дела религиозных организаций не могут быть полностью защищены от вмешательства государства.

Внутренние дела религиозных организаций касаются аспектов, связанных с управлением соответствующими организациями, таких аспектов, как выбор религиозных лидеров, организационная структура и взаимоотношения со священнослужителями. Более того, они охватывают доктринальную сторону деятельности организаций в таких областях, как определение религии или убеждений, формы отправления культа и т.д. Поэтому представляется целесообразным выделять автономию управления религиозными объединениями и доктринальную автономию, которые, в свою очередь, включают вопросы, самостоятельно определяемые религиозными объединениями, и на которые распространяется их автономность.

Однако в последнее время внимание исследователей было сосредоточено главным образом на автономии управления религиозными объединениями [5. С. 81–10], а второму аспекту – доктринальной автономии уделялось относительно меньше внимания. В настоящей работе предпринята попытка восполнить

этот пробел, так как исследуются обе указанные стороны религиозной автономии.

Автономия внутреннего управления религиозными объединениями

Религиозные объединения способны сами управлять своими собственными внутренними религиозными делами только в том случае, если они могут определять и применять правила, регулирующие их функционирование. Этот аспект религиозной автономии можно назвать автономией внутреннего управления.

Автономия внутреннего управления религиозными объединениями имеет множество аспектов, некоторые из которых были рассмотрены в практике деятельности европейских институтов. Например, Европейский суд обеспечил защиту права религиозных объединений действовать автономно от государства, постановив, что, когда для нормальной деятельности религиозного объединения ему необходимо юридическое признание, отказ его предоставить представляет собой вмешательство в свободу исповедания религии, а его пропорциональность должна оцениваться с учетом ее серьезности и мотивов государства [4]. Кроме того, суд защищал возможность объединений выбирать свое руководство, подтверждая, что государства могут вмешиваться в выдвижение религиозного лидера только в том случае, если такое вмешательство отвечает насущным социальным потребностям [6]. Европейский суд рассмотрел и автономию религиозных объединений в вопросе учреждения мест отправления культа, указав, что отказ в предоставлении разрешения на учреждение места отправления культа представляет собой вмешательство в религиозную автономию и не может быть оправдан, когда он используется для навязывания жестких условий на практике религиозных объединений [7].

Несмотря на вышесказанное, следует подчеркнуть, что этот аспект религиозной автономии не получает абсолютной защиты. Суд никогда априори не исключал возможность ограничения автономии внутреннего управления религиозными организациями. Относительный характер этой защиты был подтвержден последующей правоприменительной практикой, касающейся трудовых отношений с религиозными организациями, которая ввела «сбалансированный подход» с целью уравновесить религиозную автономию с правами других лиц. Однако можно констатировать, что его применимость к делам по вопросам об автономии внутреннего управления религиозных объединений не остается неизменной.

Значение «сбалансированного подхода» для защиты автономии внутреннего управления религиозными объединениями. Европейская комиссия по правам человека первоначально рассматривала связь между религиозной автономией и трудоустройством в 1989 г., в деле *«Роммельфангер против Германии»*, в связи с конфликтом между религиозной автономией и свободой выражения мнений [8]. Комиссия пришла к выводу, что Европейская конвенция допускает установление договорных обязательств, согласно которым сторона отказывается от свободы выражения в опре-

деленной степени, поскольку работодатель, чья деятельность основана на тех или иных убеждениях, не сможет эффективно осуществлять свои собственные свободы, не налагая на своих сотрудников определенных обязанностей лояльности. Поскольку член духовенства официально признаваемой церкви должен выполнять не только религиозные, но и мирские обязанности, он не может жаловаться, что последнее противоречит его религиозным убеждениям, так как его право оставить свой пост будет максимальной гарантией его права на свободу совести.

Правовая позиция Европейского суда, выраженная в деле *«Роммельфангер против Германии»*, была обновлена, введя баланс между религиозной автономией внутреннего управления и правам отдельных лиц. В деле *«Ломбарди Валлаури против Италии»* [9] Европейский суд постановил, что автономия религиозных организаций не может ущемлять саму суть процессуальной защиты, предоставляемой правом на свободу выражения мнений. Выводы, сформулированные в деле *«Ломбарди Валлаури против Италии»*, стали основой для трех последующих судебных решений: *«Обст против Германии»* [10], *«Шют против Германии»* [11] и *«Зибенхаар против Германии»* [12]. В этих случаях заявители понесли наказание за свое непрофессиональное поведение, которое работодатели сочли несовместимым с занимаемыми должностями в религиозных организациях и системой действующих там правил и норм, основанных на том или ином вероучении. Немецкие судьи в вышеуказанных делах отказались отменить решения религиозных организаций, а Европейский суд постановил, что Германия вмешалась в права заявителей. Такое вмешательство суд счел пропорциональным в делах *«Обст против Германии»* и *«Зибенхаар против Германии»*, так как немецкими судами был установлен баланс между религиозной автономией и правами работников. Суд отметил, что увольнение заявителей основано на личном решении признаться и должно рассматриваться как необходимая мера, направленная на сохранение доверия к церкви, поскольку заявители понимали значимость своих поступков как важного условия трудового договора и неприемлемость такого поведения в свете тех обязанностей, которые влекла за собой занимаемая должность: в первом случае – европейского директора по связям с общественностью мормонской церкви, во втором – воспитателя детского сада для протестантской церкви.

Напротив, вмешательство не было признано пропорциональным в деле *«Шют против Германии»*, потому что немецкий судья не установил надлежащего баланса между интересами церкви как работодателя и правом заявителя на уважение его частной и семейной жизни. В частности, не оценена «религиозная» значимость деятельности заявителя в организации – органиста и хормейстера прихода Римско-католической церкви. Более того, национальные суды признали, что занимаемая заявителем должность была не столь значимой, чтобы этот серьезный проступок послужил поводом для однозначного прекращения трудовых отношений (как, например, это было бы правомерно в отношении работников, занимающихся

наставничеством или религиозным обучением). Европейским судом по правам человека также были учтены последствия принятого организацией решения для профессиональной жизни заявителя, шансы которого найти новое место работы незначительны.

Таким образом, Европейский суд разработал «сбалансированный подход», чтобы согласовать автономию управления религиозными объединениями с правами отдельных лиц. Это подтверждает, что, хотя религиозная автономия защищена Европейской конвенцией, она не является абсолютным правом и может быть ограничена для защиты прав других лиц.

На первый взгляд может показаться, что в рамках Европейского сообщества автономия управления религиозными объединениями воспринимается по-другому, как абсолютная ценность. Например, Директива Совета 93/104/ЕС [13], касающаяся определенных аспектов организации рабочего времени, предусматривает общие принципы защиты безопасности и здоровья работников. Однако государства – члены Европейского союза могут принять решение не применять те же правила к «работникам, исполняющим обязанности на религиозных церемониях в церквях и религиозных общинах» (ст. 17 (1)). Можно утверждать, что в данном случае норма не предусматривает какого-либо баланса прав, но она просто допускает ограничение права трудящихся в целях обеспечения автономии управления религиозными организациями.

Аналогичный подход воплощен в Директиве 2000/78/ЕС о равном обращении в сфере труда и занятий [14]. В соответствии со ст. 4 (2) Директивы 2000/78/ЕС в отношении профессиональной деятельности в религиозных организациях государства-члены могут допускать различия в обращении, основанные на религии или убеждениях человека. Таким образом, права работников религиозных организаций, по-видимому, ограничены в пользу прав работодателей – религиозных объединений. Однако в той же норме указывается, что религиозные организации могут вводить дискриминационные требования к работникам только в тех случаях, когда по причине характера деятельности работника или обстановки, в которой она осуществляется, религия или убеждения такого лица представляют собой «подлинное, законное и обоснованное профессиональное требование, принимаемое во внимание дух организации» [14]. Чтобы проверить наличие такого требования, государственные органы должны определять, в частности, релевантность деятельности работодателя в рамках организации. Следовательно, ст. 4 (2) Директивы 2000/78/ЕС может интерпретироваться в соответствии с подходом балансирования, разработанным Европейским судом. Однако следует подчеркнуть, что рассматриваемая Директива не требует от государств-членов учитывать последствия решений организаций для профессиональной жизни их сотрудников, как было указано в решении Европейского суда по делу «Шют против Германии».

Практика Европейского суда того периода по вопросам занятости в религиозных организациях подтверждает, что автономия управления религиозными организациями не является абсолютной, но она долж-

на быть сбалансирована с правами отдельных лиц и других групп. Хотя в этом отношении нормы Европейского союза прямо не закрепляют императивных норм, представляется, что они все же не исключают уравнивания прав религиозных организаций и прав их работников.

Однако «сбалансированный подход», изложенный выше, был подвергнут сомнению в делах «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» [15] и «Фернандес Мартинес против Испании» [16].

В деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» тридцать пять священнослужителей и прихожан Румынской православной церкви решили создать профсоюз. Компетентный ведомственный трибунал отклонил требование, утверждая, что создание такого профсоюза помешало бы автономии румынской церкви. Европейский суд подтвердил, что Румыния вмешивалась в свободу ассоциации заявителей таким образом, который был «необходим в демократическом обществе». Уважение к автономии религиозных общин, признанных государством, подразумевает, в частности, что государство должно принять право таких общин реагировать на любые движения диссидентов, возникающие в них, которые могут представлять угрозу их сплоченности, имиджу или единству, в соответствии со своими собственными правилами и интересами. Поэтому национальные власти не должны выступать в качестве арбитра между религиозными общинами и различными диссидентскими группировками, которые существуют или могут возникнуть внутри них [15].

Аргументация в деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» может показаться несовместимой с той, что изложена в деле «Шют против Германии», так как в последнем случае Европейский суд истолковывал религиозную автономию как следствие проявления веры, позже, в деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии», он толковал автономию как часть государственной политики. Эта эволюция может быть подвергнута критике, поскольку она не принимает во внимание строгую связь между религиозной автономией и проявлением веры. Однако отход от «сбалансированного подхода» на самом деле не столь явный. В деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» Европейский суд признал релевантность прав церкви и упомянул ограниченную угрозу, которую представляет профсоюз для свободы исповедовать религию. Поэтому можно заключить, что суд мог косвенно сбалансировать права церкви с правами заявителя.

Позже рассматривалось дело «Фернандес Мартинес против Испании», которое было инициировано заявителем, уволенным с должности учителя религии и морали государственной средней школы, по требованию католической церкви. Церковь мотивировала такое увольнение, утверждая, что заявитель вызвал «скандал», поскольку он заявил о себе как о женатом священнике публично и открыто. Как было установлено, он участвовал в собрании «Движение за обязательное безбрачие» прогрессивной католической группы, известной своей критикой церковной иерархии, а фотография его и его семьи была опубликована в местной газете.

Европейский суд разрешил дело, не прибегая к балансированию права заявителя на частную жизнь с правом католической церкви на свободу религии и ее автономии. По мнению Европейского суда, это дело отличалось от ранее рассмотренных случаев, поскольку заявитель был священником, а, следовательно, его статус требовал повышенной лояльности с его стороны [16]. Это отличие позволило суду прийти к заключению, что национальный судья не обязан балансировать права заявителя с религиозной автономией церкви, но что этот вопрос может быть решен на основе долга лояльности, как это было установлено в деле *«Роммель-фангер против Германии»*.

Поэтому может показаться, что Европейский суд считает, что сбалансированный подход не применим к делам, касающимся священнослужителей религиозных объединений. Однако религиозная автономия не является абсолютной, поэтому она может быть ограничена в целях защиты прав других лиц, в том числе самих священнослужителей. Противоположное было бы возможно только в том случае, если бы последние, в отличие от других лиц, могли отказаться от самой сути своих прав. Альтернативная позиция, изложенная в деле *«Фернандес Мартинес против Испании»*, может рассматриваться как прагматичное решение сложной политической проблемы. Как было предложено судьей Саизом Арнаизом в его особом мнении, баланс прав заявителя и Церкви привел бы Европейский суд к оценке того, может ли увольнение заявителя быть оправданным на основании церковной свободы исповедовать религию. Такая оценка поставила бы Европейский суд в неудобное положение. Ситуация заявителя была известна католической церкви и местной общественности до начала спора. Принимая во внимание, что заявитель ранее считался способным вести преподавательскую деятельность, может показаться, что его внезапное увольнение не могло быть мотивировано необходимостью защищать доктрину католической церкви. Наоборот, может показаться, что католическая церковь действовала для защиты политических интересов: ситуация, которую церковь сочла допустимой на местном уровне, стала «скандальной», когда была доведена до сведения широкой общественности. Возможно, суду было бы трудно подтвердить или опровергнуть, что такой политический интерес является частью свободы Церкви исповедовать религию. Приняв стратегию, отличную от «сбалансированного подхода», суд просто обошел эту проблему.

Таким образом, на сегодняшний день неясно, будет ли Европейский суд пересматривать «сбалансированный подход», на основании которого выносились дела *«Обст против Германии»*, *«Шют против Германии»* и *«Зибенхаар против Германии»*. Можно утверждать, что неопределенности, возникшие в результате недавней практики, и особенно в деле *«Фернандес Мартинес против Испании»*, должны быть исправлены в будущем, чтобы обеспечить сбалансированную защиту прав работодателей и работников.

Возможность для религиозных объединений принимать решения по вопросам своих внутренних религиозных дел и управлять ими, очевидно, находится в тесной связи с их возможностью самостоятельно определять содержание своих доктрин и убеждений, а также оценкой их легитимности. Этот аспект может быть назван «доктринальной автономией». Практика европейских институтов выявляет три проблемные области в этой сфере: определение «религиозного» характера убеждений объединений, определение способов выражения последних и оценка их законности. Рассмотрим каждую из обозначенных областей подробнее.

Определение «религиозного» характера убеждений объединения. Как известно, нет общепринятого определения религии. Это спорное понятие и высказываются разные точки зрения относительно его содержания [17. С. 43–46]. Согласно Руководству по законодательному обзору законов, затрагивающих религию или убеждения [18], этот термин не может быть определен в юридическом смысле из-за присущей ему неоднозначности концепции религии.

Европейские институты могут дать полную автономию религиозным организациям в этой области, предоставив им возможность самостоятельно идентифицировать свои доктрины как «религиозные». В противном случае такие организации не смогут сами принимать решения и управлять своими собственными внутренними делами просто потому, что их нельзя будет считать «религиозными» по своей природе и они не смогут получить защиту, предлагаемую европейскими инструментами.

Ни Европейская комиссия по правам человека, ни Европейский суд даже не нуждались в определении понятия «религия», поскольку Европейская конвенция защищает как религию, так и убеждения, а указанные органы рассматривали только последнюю концепцию, которая охватывает первую. Европейская комиссия определила убеждения как «последовательный взгляд на фундаментальные проблемы» [19].

Европейский суд применил аналогичный подход, назвав в деле *«Кэмпбелл и Косанс против Соединенного Королевства»* убеждения точкой зрения, которая достигает «определенного уровня убедительности, серьезности, сплоченности и важности» [20].

Определения религии, принятые европейскими органами, позволили им сделать ст. 9 Европейской конвенции применимой к традиционным конфессиям, а также к новым религиозным движениям и философским убеждениям. Например, к друидизму [20] и сентологии [21].

Однако нельзя исключать, что в суд обратится организация, которая, как будет установлено, не достигла того уровня убедительности, чтобы отнести ее к религиозной. Таким образом, Европейский суд может пренебречь автономией этой организации. Такой дефект не будет устранен, если использовать подход, изложенный в деле *«Кимля и другие против России»* [22], когда суд заявил, что, поскольку взгляды на «ре-

лигию» являются предметом споров между государствами-членами, суд опирался на позицию национальных властей в этом вопросе. Этот подход не только не защищает автономию организаций, которые не признаны в качестве религиозных государствами, в которых они действуют, но и не заменяет подход, изложенный в деле «Кэмпбелл и Косанс против Соединенного Королевства» [20].

Очевидно, что, хотя наиболее распространенные и давно известные религии, скорее всего, будут расценены как убеждения, подпадающие под действие ст. 9 Европейской конвенции, организации религиозных меньшинств могут столкнуться с проблемами в определении содержания их деятельности и не квалифицироваться как придерживающиеся какой-либо религии или системы убеждений.

Определение веры, выраженное Европейским судом, должно применяться также в области законодательства Европейского союза, поскольку значение и объем права, содержащегося в ст. 10 Устава, совпадают со значением и объемом свободы религии согласно ст. 9 Европейской конвенции. Законодательство Европейского союза может предусматривать стандарт защиты, который превышает минимальный уровень, требуемый Европейской конвенцией. В целях обеспечения такой защиты акты Европейского союза могут предусматривать различные определения религии и убеждений.

В целом, когда Союз определяет религию или убеждения, он закрепляет широкое определение. Например, для целей Директивы 2011/95 о квалификации граждан третьих стран для международной защиты религия включает в себя теистические, нетеистические и атеистические убеждения [23].

Тем не менее Директива 2000/78/ЕС ссылается на «религию или убеждения», но не предусматривает их определения [14]. Теоретически отсутствие такого определения не является существенной проблемой, поскольку указанную Директиву следует читать в соответствии с судебной практикой Европейского суда. На практике отсутствие определения может привести к тому, что правоприменитель будет ошибочно определять религию и убеждения ограничительным образом, предположительно в ущерб религиозным меньшинствам.

Можно сделать вывод, что Европейский суд и институты Европейского союза обычно принимают объективные и широкие определения убеждений, которые, видимо, соответствуют цели религиозной свободы, закрепленной в европейском праве. Однако неоднозначное определение веры, принятое Европейским судом, может потенциально ограничить религиозную автономию некоторых меньшинств.

Определение способов выражения религиозных убеждений. Хотя свобода религии прежде всего вопрос личной совести, она также подразумевает свободу исповедания. Следовательно, доктринальная автономия должна не только охватывать определение убеждений, как изложено выше, но и относиться к способам их выражения во вне.

Ни Европейский суд, ни Хартия не предусматривают определение «выражение религии или убежде-

ний». В решении по делу «Эрроусмит против Великобритании» Комиссия Европейского суда постановила, что только те действия лиц, которые выражают их убеждения, могут рассматриваться как проявление этих убеждений и защищаться ст. 9 Европейской конвенции [24]. Следовательно, в соответствии с этой судебной практикой, чтобы определить, защищен ли конкретный способ выражения религиозных убеждений ст. 9 Европейской конвенции, правоприменитель должен оценить, воплощает ли конкретная практика дух убеждений, на котором она построена.

Определение соответствия между способами выражения свободы религии и самой религией также не является неизвестным в рамках законодательства Европейского союза. Например, Директива 2000/78 о равном обращении в сфере занятости допускает отступления от ее положений о недискриминации в тех случаях, когда по причине характера деятельности, осуществляемой лицом, его или ее религия или убеждения представляют собой существенное профессиональное требование, законное и оправданное с точки зрения организации (ст. 4) [14]. Директива 2011/95/EU довольно четко воспроизводит позицию, изложенную в деле «Эрроусмит против Великобритании», поскольку подтверждает, что этот акт защищает формы индивидуального или коллективного поведения, основанные на любых религиозных убеждениях или предписанных ими. Аналогичным образом Директива 93/119/ЕС о защите животных во время убоя или умерщвления [25] ссылается на методы убоя, требуемые определенными религиозными обрядами. К ним не применяются общие требования, применяемые к бойням.

Такое определение соответствия между убеждением и его внешним выражением представляется эффективным, поскольку оно позволяет государственным органам не защищать инициативы, не связанные с религией или убеждениями. Тем не менее это неоднозначное определение самих выражений религии или убеждений может приблизить Европейский суд к решению о том, требует ли религия какой-либо конкретной практики, т.е., по сути, к религиозно-доктринальному вопросу. Поэтому суд может ограничить доктринальную автономию религиозных организаций, ставя под сомнение толкование их религиозных практик. Очевидно, что такое вмешательство, вероятно, прежде всего, затронет религиозные меньшинства, поскольку практика основных религий хорошо известна.

Этот ограничительный подход к определению способов выражения религии или убеждений, по видимому, был частично отвергнут Европейским судом в деле «Лейла Сахин против Турции» [26]. В нем суд неявно принял точку зрения заявителя относительно религиозного характера практики. В другом деле – «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» [27] – суд должен был определить, вмешивалось ли государство-ответчик в свободу религии заявителей, запрещая им носить заметное распятие. То есть необходимо было уточнить, является ли видимое ношение креста проявлением религии или убеждений. Европейский суд прямо указал, что считает решение заявителек носить крест и

цепь на работе проявлением их религиозных убеждений и что отказ со стороны работодателей разрешить им оставаться на своих должностях, нося при этом крест, является вмешательством в их свободу исповедовать свою религию [27].

В этом деле суд уклонился от признания доктринальной автономии религиозных организаций, но не исключил из анализа вопрос о том, кто устанавливает соответствие между способом выражения религии и убеждением, определяется ли оно религиозными организациями или их последователями. В решении прямо говорится, что «наставление госпожой Эвейда на ношении креста видимым образом на работе было мотивировано *ее желанием* (выделено мной. – А.И.) доказывать свою принадлежность к христианской вере... Суд считает, что поведение госпожи Эвейда представляло собой выражение *ее религиозных убеждений* (выделено мной. – А.И.) в форме поклонения, выполнения религиозных и ритуальных обрядов и подлежит защите согласно ст. 9». Более того, государство-ответчик ставило этот вопрос, а Национальные трибуналы прямо следовали подходу, согласно которому способ выражения религии устанавливается соответствующей религиозной организацией. Поэтому они пришли к выводу, что, поскольку видимое ношение креста не является частью доктрины какой-либо христианской церкви, оно не является проявлением религии или убеждений [27]. Несмотря на его достоинства, подход, которого придерживались национальные юрисдикционные органы, представляется дискуссионным. Он не нашел поддержки в Европейском суде и не подтверждается содержанием ст. 9 Европейской конвенции, которая гарантирует свободу религии или убеждений каждому и не подчиняет их проявление предписаниям какой-либо организации. Европейский суд смог продолжить разработку подхода, который он наметил в деле *«Лейла Сахин против Турции»*, полностью признавая актуальность личных взглядов в этой области, даже если это подразумевает относительное игнорирование взглядов религиозных организаций и их автономии.

Оценка законности способов выражения религиозных убеждений. Последний проблемный аспект доктринальной автономии, рассматриваемый в настоящей работе, касается оценки легитимности религиозных доктрин. Способность религиозных организаций принимать решения и управлять своими внутренними религиозными делами будет затруднена, если органы государственной власти будут ставить под сомнение религиозную доктрину, регулируемую их управление. В соответствии с этой точкой зрения Европейский суд определил, что государственные органы не могут по своему усмотрению определять, являются ли религиозные убеждения или средства, используемые для выражения таких убеждений, законными [6].

Тем не менее Европейский суд позволил себе оценивать легитимность религиозных убеждений в отдельных делах, касающихся ислама и новых религиозных движений. В решении *«Рефах партиси (Партия благоденствия) и другие против Турции»* [28] суд подтвердил, что роспуск турецкой партии, выступающей за применение шариата, а в конечном итоге за

использование силы, был совместим с Европейской конвенцией, поскольку цели партии не могут быть согласованы с «фундаментальными принципами демократии» [28]. Это суждение подверглось критике, поскольку оно подразумевает, что шариат как таковой противоречит принципам секуляризма и равенства. Однако в этом случае оценку убеждений заявителя имеет смысл проводить исходя из действий руководителей заявителя и его суждений [29. С. 431–465].

В других решениях Европейский суд даже не пытался реконструировать убеждения заявителей. В своей прецедентной практике по вопросу о возможности носить в публичных местах исламский платок ЕСПЧ постановил, что одним из аргументов в пользу необходимости запрета на этот символ является невозможность примирения его с основными европейскими ценностями, такими как терпимость и недискриминация [26]. Суд не только подтвердил, что экстремистские убеждения несовместимы с демократией, но и предположил, что религиозные обряды, такие как ношение исламского платка, воплощают соответствующие убеждения.

Подобные предположения характеризуют юриспруденцию новых религиозных движений. В деле *«Лилы Фёрдеркрейс Э.В. Леела Фердеркрейс и другие против Германии»* [30] Европейский суд признал, что государствам-членам запрещено изображать религиозную группу клеветническим образом. Однако государство может назвать религию «сектой», даже если это определение содержит уничижительную ноту, когда оно стремится предоставить информацию, способную внести вклад в дебаты в демократическом обществе, и привлечь внимание к опасностям, исходящим от групп, которые обычно упоминаются как секты. Но ни государство-ответчик, ни Европейский суд не уточнили, какие опасности представляла организация заявителя.

Аналогичное суждение Европейский суд высказал и в другом недавнем деле *«Швейцарское движение разлитов против Швейцарии»*, касающемся нового религиозного движения [31]. Как секция, так и Большая палата утверждали, что государство-ответчик может ограничить свободу выражения мнения заявителя, поскольку его убеждения вызывали обеспокоенность властей. Веб-сайт, ссылка на который находилась на запрещенных плакатах, содержал материал о поощрении клонирования человека, отстаивании «гениократии». Более того, национальные власти высказывали мнение о том, что литература и идеи движения разлитов могут привести к сексуальному насилию над детьми со стороны некоторых его членов. Эти причины, взятые по отдельности, не могли оправдать оспариваемый отказ, но в совокупности и с учетом всех обстоятельств дела ЕСПЧ счел допустимым запрет компании разлитов в целях защиты здоровья и нравственности, прав других лиц и предотвращения преступности. Примечательно, что суд предположил существование таких взглядов со стороны заявителя, приняв во внимание в этом отношении утверждения государства-ответчика.

Очевидно, что, предполагая существование недемократических взглядов со стороны верующих, суд косвенно обеспечивает оценку законности их религи-

озных убеждений. Эта оценка негативно влияет на способность религиозных организаций решать наиболее важный аспект их внутренних дел, т.е. их верование.

Таким образом, Европейский суд иногда допускает оценки легитимности религиозных убеждений. Возможно, это вмешательство в доктринальную сторону религиозной автономии особенно критично, когда характер таких убеждений четко не определен.

Оценка легитимности религиозных убеждений присутствует и в правовом поле Европейского союза, поскольку он одобряет или осуждает убеждения религиозных организаций, с которыми он взаимодействует.

Согласно ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза, Европейский союз должен поддерживать «открытый, прозрачный и регулярный диалог» с церквями и организациями [32]. Эта норма может показаться воплощением квинтэссенции религиозного плюрализма и перекликается со ст. 11 (2) этого акта о диалоге с (остальным) гражданским обществом, но ее реализация может повлечь за собой значительное вмешательство в доктринальную автономию религиозных организаций.

Положения ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза реализуется тремя способами. Во-первых, Европейская комиссия проводит неофициальные двусторонние встречи с религиозными и неконфессиональными организациями по запросу последних. Во-вторых, представители религий и неконфессиональных организаций осуществляют «семинары по диалогу» с лидерами и должностными лицами Европейского союза по отдельным темам. В-третьих, лидеры религиозных и неконфессиональных организаций участвуют во встречах на высоком уровне с президентами Европейской комиссии, Европейского совета и Европейского парламента.

Такая практика высоко оценивается отдельными религиозными организациями, хотя у нее и есть отдельные недостатки. Можно утверждать, что диалог, проводимый Европейской комиссией, не является полностью «прозрачным», как того требует ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза. Эта практика также не является полностью открытой, так как Европейская комиссия поддерживает отношения с религиозными или неконфессиональными организациями, которые «придерживаются европейских ценностей». Например, 7 ноября 2017 г. первый вице-президент Франс Тиммерманс провел ежегодную встречу высокого уровня с религиозными лидерами. Более того, Европейская комиссия не принимает автоматически предложения о семинарах-диалогах, которые она получает, и до сих пор она приглашала только представителей основных пяти мировых религий на заседания высокого уровня.

На практике Европейский союз сталкивается с проблемой. С одной стороны, он не может ни взаимодействовать с группами меньшинств, но так как это подразумевает поддержку их убеждений или игнорирование, то такое взаимодействие будет означать оценку законности их мнений и посягательство на их доктринальную автономию. Это означает, что Евро-

пейская комиссия может подвергнуться критике со стороны групп, которые, по ее мнению, не «придерживаются европейских ценностей», а также противников спорных групп, которые допущены к диалогу. Однако на практике такая критика носит довольно ограниченный характер. Возможно, это связано с тем, что Европейская комиссия, хоть и ведет диалог с некоторыми организациями, но не публикует их список.

Можно сделать вывод, что институты Европейского союза и Европейский суд при определенных обстоятельствах оценивают или допускают оценку религиозных убеждений. Такая оценка особенно проблематична в случае организаций, которые явно не поддерживают антидемократические взгляды. Некоторые религиозные движения подвергаются стигматизации в обществе из-за своих убеждений и практики, и если бы европейские институты присоединились к ним, автономия подобных групп была бы серьезно подорвана.

Некоторые выводы, применимые в России

Религиозная автономия в двух ее возможных проявлениях – внутреннего управления и доктринальная – непосредственно связана со свободой совести. Оба они защищены европейским законодательством, даже если эта защита не может рассматриваться как абсолютная. С одной стороны, религиозная автономия является неотъемлемой частью внешней формы проявления религиозных убеждений, а с другой – ее всеместная защита поставит под угрозу защиту прав других лиц. Но все же в условиях, когда практика европейских государств носит ограниченный характер, а правоприменительная деятельность Европейского суда не совсем последовательна, представляется, что европейские институты осознают важность религиозной автономии. Поэтому проблемы, связанные с ее реализацией, решаются органами власти прагматично, пытаясь сбалансировать ее с другими правами и законными интересами. Тем не менее уже сегодня на себя обращают внимание две проблемы. Во-первых, судебная практика Европейского суда по вопросу об автономии внутреннего управления религиозными организациями не является до конца последовательной и однозначной. Во-вторых, доктринальная автономия религиозных меньшинств недостаточно защищена. Определение веры и ее проявления, принятое европейских странах, может лишить отдельные группы меньшинств защиты. Кроме того, оценка легитимности религиозных убеждений, проводимая европейскими институтами, может делегитимизировать небольшие по количеству последователей и территориальному охвату деятельности вероучения, в отношении которых сложилось противоречивое общественное мнение, что будет препятствовать их доктринальной автономии.

Результаты проведенного исследования с выделением двух проявлений религиозной автономии применимы и к России. В нашей стране согласно ст. 15 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О свободе совести и о религиозных объ-

единениях» религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству РФ, и обладают правоспособностью, предусматриваемой в их уставах. Более того, государство уважает такие внутренние установления религиозных организаций. Юридическое значение термина «уважает» российским законом не определено. В практике Европейского суда этот термин означает нечто большее, чем признавать или принимать во внимание; в дополнение к первоначальному отрицательному значению оно также включает некоторое позитивное обязательство со стороны государства [20].

Более того, законом не определено понятие самих внутренних установлений религиозной организации. Доктрина и судебная практика обычно рассматривают в качестве таковых нормы религиозного права, положения локальных актов религиозной организации, обычаи, традиции. Но законодательно не содержится требований к форме внутренних установлений и перечню источников. Отсутствие четко закрепленных термина «внутренние установления» и правовых последствий категории «уважения» может создать трудности для контрагентов по гражданско-правовым сделкам с религиозными организациями [33], а для правоприменителя при разрешении конкретной ситуации требует нормативного уточнения.

Обращаясь к двум аспектам автономии религиозных объединений в России, можно отметить, что, как и в европейских странах, в нашей стране рассматривались дела о применении внутренних установлений в трудовых спорах. Подход отечественных судов носит явно более формализованный характер, учитывающий доводы истца и не исключающий изложенный выше сбалансированный подход. Например, отказывая гражданину К. в восстановлении на работе в должности певчего хора, суд Ленинского района г. Тамбова указал, что режим рабочего времени лиц, работающих в религиозных организациях, определяется исходя из режима осуществления религиозных обрядов. График богослужений в Псковском соборе является и графиком рабочего времени для лиц, от-

ветственных за исправное богослужение, в том числе и для певчих хора. Он составляется и вывешивается в соборе заблаговременно. Певчий хора подчиняется непосредственно регенту (руководителю) хора. В случае необходимости любой певчий имел полное право обратиться к регенту и испросить разрешение не присутствовать на службе [34].

Рассматривая доктринальную автономию религиозных объединений в России, можно отметить, что, как и в большинстве зарубежных стран, в России нет легального определения религии. Но в своей правоприменительной практике судебные органы оценивают религиозный характер организаций. Так, например, в Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.06.2016 № 5-АПГ16-30, которым была оставлена без удовлетворения апелляционная жалоба религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» на решение о ее ликвидации, указано, что суд города Москвы согласился с выводами экспертизы, отметив в решении, что объединение фактически религиозную деятельность не осуществляет, а его деятельность носит не религиозный, а социальный характер, и не соответствует в полном объеме формам и методам, сведениям об основах вероучения.

Таким образом, религиозная автономия в России соблюдается как на уровне законодательства, так и на практике, но ее защита носит не абсолютный характер, а сбалансирована с другими правами человека и религиозных объединений. Пределы сопряжения внутренней религиозной автономии и внешнего государственного управляющего воздействия в России, формировавшиеся на протяжении длительного времени под воздействием ряда факторов (строительство идентификационной модели государственно-церковных отношений, сбалансированная судебная практика, учитывающая права и интересы человека и религиозных организаций, и высокая степень резистентности религиозной сферы в нашей достаточно воцерковленной стране [35]), проходят по линии благосостояния, благополучия и безопасности общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу того, что в правовых системах государств мира применительно к организационным формам отправления культа используются различные термины (англ. *religious association, religious organization, religious society* и пр.), в данной работе такие понятия, как религиозные организации, общества, объединения, сообщества и т.д., употребляются в том смысле, как они указываются в законодательстве соответствующих стран, если специально не оговорено иное. Понятие «религиозные объединения» используется как обобщающее для всех организационных форм отправления культа, если специально не оговорено иное.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Court of Human Rights. Judgment of 25 May 1993. *Kokkinakis v. Greece*, Application no. 14307/88. Para. 31. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Mark E. Chopko, Moses Michael F. Freedom to be a Church: Confronting Challenges to the Right of Church Autonomy // *Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 2005. Vol. 3, is. 2.
3. Charter of Fundamental Rights of the European Union 18.12.2000. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 01.02.2020).
4. The European Court of Human Rights. Judgment of 13 December 2001. *Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*, Application no. 45701/99. Para. 46. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59985> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Evans C.M., Hood A. Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of the Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights // *Oxford journal of law and religion*. 2012. Vol. 1, is. 1.
6. The European Court of Human Rights. Judgment of 26 October 2000. *Hasan and Chaush v. Bulgaria*, Application no. 30985/96. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58921> (дата обращения: 01.02.2020).

7. The European Court of Human Rights. Judgment of 26 September 1996. *Manoussakis and Others v. Greece*, Application no. 18748/91. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071> (дата обращения: 01.02.2020).
8. The European Commission of Human Rights. Judgment of 6 September 1989. *Rommelfanger v. The Federal Republic of Germany*, Application no. 12241/86. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1010> (дата обращения: 01.02.2020).
9. The European Court of Human Rights. Judgment of 20 October 2009. *Lombardi Vallauri v. Italy*, Application no. 39128/05. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95247> (дата обращения: 01.02.2020).
10. The European Court of Human Rights. Judgment of 23 September 2010. *Obst v. Germany*, Application no. 425/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100464> (дата обращения: 01.02.2020).
11. The European Court of Human Rights. Judgment of 20 September 2010. *Schüth v. Germany*, Application no. 1620/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100469> (дата обращения: 01.02.2020).
12. The European Court of Human Rights. Judgment of 3 February 2011. *Siebenhaar v. Germany*, Application no. 18136/02. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103249> (дата обращения: 01.02.2020).
13. Council Directive 93/104/EC of 23 November 1993 concerning certain aspects of the organization of working time. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0104> (дата обращения: 01.02.2020).
14. Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj> (дата обращения: 01.02.2020).
15. The European Court of Human Rights. Judgment of 9 July 2013. *Sindicatul «Păstorul cel Bun» v. Romania*, Application no. 2330/09. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763> (дата обращения: 01.02.2020).
16. The European Court of Human Rights. Judgment of 12 June 2014. *Fernández Martínez v. Spain*, Application no. 56030/07. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145068> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Федотова Ю.Е. К вопросу об определении понятия «религия» и сопутствующих ему в российском законодательстве понятий // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, ПГУ, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. Пенза : Изд-во ПГУ Пенза, 2016.
18. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), *Guidelines for legislative reviews of laws affecting religion or belief*, CDL-AD(2004)028, 19 July 2004. URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282004%29028-e> (дата обращения: 01.02.2020).
19. The European Commission of Human Rights. Judgment of 10 March 1981. *X. v. Germany*, Application no. 8741/79. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73753> (дата обращения: 01.02.2020).
20. The European Court of Human Rights. Judgment of 22 March 1983. *Campbell and Cosans v. United Kingdom*, Application nos. 7511/76, 7743/76. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57454> (дата обращения: 01.02.2020).
21. The European Commission of Human Rights. Judgment of 14 July 1987. *Chappell v. the United Kingdom*, Application no. 12587/86. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-481> (дата обращения: 01.02.2020).
22. The European Commission of Human Rights. Judgment of 5 May 1979. *X and Church of Scientology v. Sweden*, Application no. 7805/77. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73995> (дата обращения: 01.02.2020).
23. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011L0095> (дата обращения: 01.02.2020).
24. European Commission of Human Rights. Judgment of 16 May 1977. *Arrowsmith v. United Kingdom*, Application no. 7050/75. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104188> (дата обращения: 01.02.2020).
25. Council Directive 93/119/EC of 22 December 1993. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0119:EN:HTML> (дата обращения: 01.02.2020).
26. European Court of Human Rights. Judgment of 10 November 2005. *Leyla Şahin v. Turkey*, Application no. 44774/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956> (дата обращения: 01.02.2020).
27. European Court of Human Rights. Judgment of 15 January 2013. *Eweida and others v. the United Kingdom*, Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115881> (дата обращения: 01.02.2020).
28. The European Court of Human Rights. Judgment of 31 February 2003. *Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*, Application nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936> (дата обращения: 01.02.2020).
29. Meerschaut K., Gutwirth S. Legal pluralism and Islam in the scales of the European Court of Human Rights: The limits of categorical balancing // *Brems E. Conflicts between fundamental rights*. Intersentia, 2008.
30. European Court of Human Rights. Judgment of 6 November 2008. *Leela Förderkreis E.V. and Others v. Germany*, Application no. 58911/00. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89420> (дата обращения: 01.02.2020).
31. European Court of Human Rights. Judgment of 13 July 2012. *Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*, Application no. 16354/06. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112165> (дата обращения: 01.02.2020).
32. Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 01.02.2020).
33. Сергеев П.В. Правовое значение внутренних установлений религиозных организаций в регулировании коммерческих отношений // *Право и экономика*. 2016. № 9. С. 21–26.
34. Шахов М.О., Пчелинцев А.В., Загребина И.В. Внутренние установления религиозных объединений. М., 2017. С. 53–54.
35. Православная вера и таинство крещения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 01.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 марта 2020 г.

The Right to Religious Autonomy and the Case-Law of the European Court of Human Rights

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 239–249.

DOI: 10.17223/15617793/458/29

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: freedom of conscience; freedom of religion; religious autonomy; European Court of Human Rights; European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

In this study, the author addresses the problem of the definition and structure of the right to religious autonomy. The object of the study was the content of the two manifestations of this right that the author identified: internal governance and doctrinal autonomy in the practice of the European Court of Human Rights. The aim of this article is to determine the main areas of protection of the right to religious autonomy of religious associations and the positive experience applicable in the Russian Federation. The author describes the role of the right to religious autonomy, which is an integral part of pluralism in a democratic society and, therefore, acts as a center for protection provided by freedom of conscience. The study is based on the theoretical material of the works of both Russian

(P.V. Sergeev, Yu.E. Fedotova, M.O. Shakhov) and foreign (M.E. Chopko, M.F. Moses) researchers. The extensive law enforcement practice of the European Court of Human Rights and the regulations of the European Union are also used. The methodological basis of the study is dialectical, comparative legal, formal legal, and other methods. In particular, the use of the dialectical method helped to determine the content of the concept of the right to religious autonomy, to study the dynamics of the legal positions of the European Court of Human Rights regarding a “balanced approach” to protect the autonomy of the internal management of religious associations. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify correlations between the case-law of the European Court of Human Rights and acts adopted within the European Union. The use of the functional method made it possible to investigate the place and role of European institutions and the nature of their governing influence on the provision and protection of the right to religious autonomy to various religious associations, including those representing a religious minority. As a result, the author comes to the conclusion that religious autonomy in its two possible manifestations—internal governance and doctrinal autonomy—directly follows from the content of the powers of freedom of conscience. Both of the manifestations are protected by European regulations although such protection cannot be considered as absolute. On the one hand, the right to religious autonomy is an integral part of the external manifestation of religious beliefs; on the other, its universal protection will jeopardize the protection of the rights of others. Nevertheless, in a situation in which the governing influence of European states is limited and the enforcement practice of the European Court of Human Rights is not entirely consistent, it seems that European institutions are aware of the importance of the right to religious autonomy. Therefore, the authorities resolve problems associated with its implementation pragmatically, trying to balance it with other rights and legitimate interests.

REFERENCES

1. European Court of Human Rights. (1993) *Judgment of 25 May 1993. Kokkinakis v. Greece, Application no. 14307/88. Para. 31.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827>. (Accessed: 01.02.2020).
2. Chopko, M.E. Moses, M.F. (2005) Freedom to be a Church: Confronting Challenges to the Right of Church Autonomy. *Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 3 (2).
3. EU. (2000) *Charter of Fundamental Rights of the European Union 18.12.2000.* [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf. (Accessed: 01.02.2020).
4. European Court of Human Rights. (2001) *Judgment of 13 December 2001. Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, Application no. 45701/99. Para. 46.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59985>. (Accessed: 01.02.2020).
5. Evans, C.M. & Hood, A. (2012) Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of the Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights. *Oxford Journal of Law and Religion*. 1 (1).
6. European Court of Human Rights. (2000) *Judgment of 26 October 2000. Hasan and Chaush v. Bulgaria, Application no. 30985/96.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58921>. (Accessed: 01.02.2020).
7. European Court of Human Rights. (1996) *Judgment of 26 September 1996. Manoussakis and Others v. Greece, Application no. 18748/91.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071>. (Accessed: 01.02.2020).
8. European Commission of Human Rights. (1989) *Judgment of 6 September 1989. Rommelfanger v. The Federal Republic of Germany, Application no. 12241/86.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1010>. (Accessed: 01.02.2020).
9. European Court of Human Rights. (2009) *Judgment of 20 October 2009. Lombardi Vallauri v. Italy, Application no. 39128/05.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95247>. (Accessed: 01.02.2020).
10. European Court of Human Rights. (2010) *Judgment of 23 September 2010. Obst v. Germany, Application no. 425/03.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100464>. (Accessed: 01.02.2020).
11. European Court of Human Rights. (2010) *Judgment of 20 September 2010. Schüth v. Germany, Application no. 1620/03.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100469>. (Accessed: 01.02.2020).
12. European Court of Human Rights. (2011) *Judgment of 3 February 2011. Siebenhaar v. Germany, Application no. 18136/02.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103249>. (Accessed: 01.02.2020).
13. EC. (1993) *Council Directive 93/104/EC of 23 November 1993 concerning certain aspects of the organization of working time.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0104>. (Accessed: 01.02.2020).
14. EC. (2000) *Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj>. (Accessed: 01.02.2020).
15. European Court of Human Rights. (2013) *Judgment of 9 July 2013. Sindicatul “Păstorul cel Bun” v. Romania, Application no. 2330/09.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763>. (Accessed: 01.02.2020).
16. European Court of Human Rights. (2014) *Judgment of 12 June 2014. Fernández Martínez v. Spain, Application no. 56030/07.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145068>. (Accessed: 01.02.2020).
17. Fedotova, Yu.E. (2016) [On defining the concept “religion” and related concepts in Russian legislation]. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Proceedings of the International Conference. Penza. 11–13 October 2016. Penza: Penza State University. (In Russian).
18. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). (2004) *Guidelines for legislative reviews of laws affecting religion or belief. CDL-AD(2004)028.* 19 July 2004. [Online] Available from: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282004%29028-e>. (Accessed: 01.02.2020).
19. European Commission of Human Rights. (1981) *Judgment of 10 March 1981. X. v. Germany, Application no. 8741/79.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73753>. (Accessed: 01.02.2020).
20. European Court of Human Rights. (1983) *Judgment of 22 March 1983. Campbell and Cosans v. United Kingdom, Application nos. 7511/76, 7743/76.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57454>. (Accessed: 01.02.2020).
21. European Commission of Human Rights. (1987) *Judgment of 14 July 1987. Chappell v. the United Kingdom, Application no. 12587/86.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-481>. (Accessed: 01.02.2020).
22. European Commission of Human Rights. (1979) *Judgment of 5 May 1979. X and Church of Scientology v. Sweden, Application no. 7805/77.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73995>. (Accessed: 01.02.2020).
23. EU. (2011) *Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011L0095>. (Accessed: 01.02.2020).
24. European Commission of Human Rights. (1977) *Judgment of 16 May 1977. Arrowsmith v. United Kingdom, Application no. 7050/75.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104188>. (Accessed: 01.02.2020).
25. EC. (1993) *Council Directive 93/119/EC of 22 December 1993.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0119:EN:HTML>. (Accessed: 01.02.2020).
26. European Court of Human Rights. (2005) *Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>. (Accessed: 01.02.2020).

27. European Court of Human Rights. (2013) *Judgment of 15 January 2013. Eweida and others v. the United Kingdom, Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115881>. (Accessed: 01.02.2020).
28. European Court of Human Rights. (2003) *Judgment of 31 February 2003. Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey, Application nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936>. (Accessed: 01.02.2020).
29. Meerschaut, K. & Gutwirth, S. (2008) Legal pluralism and Islam in the scales of the European Court of Human Rights: The limits of categorical balancing. In: Brems, E. (ed.) *Conflicts Between Fundamental Rights*. Antwerpen: Intersentia.
30. European Court of Human Rights. (2008) *Judgment of 6 November 2008. Leela Förderkreis E.V. and Others v. Germany, Application no. 58911/00.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89420>. (Accessed: 01.02.2020).
31. European Court of Human Rights. (2012) *Judgment of 13 July 2012. Mouvement raëlien suisse v. Switzerland, Application no. 16354/06.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112165>. (Accessed: 01.02.2020).
32. EU. (2012) *The Treaty on the Functioning of the European Union.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT>. (Accessed: 01.02.2020).
33. Sergeev, P.V. (2016) Legal significance of internal statutes of religious organizations in regulation of commercial relations. *Pravo i ekonomika*. 9. pp. 21–26. (In Russian).
34. Shakhov, M.O., Pchelintsev, A.V. & Zagrebina, I.V. (2017) *Vnutrennie ustanovleniya religioznykh ob"edineniy* [Internal Regulations of Religious Associations]. Moscow: Religioznaya organizatsiya Obrazovatel'naya organizatsiya vysshego obrazovaniya; Moskovskiy teologicheskiy institut khristian very evangel'skoy. pp. 53–54.
35. VCIOM. (2019) *Pravoslavnaya vera i tainstvo kreshcheniya* [Orthodox Faith and the Sacrament of Baptism: Survey Results]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847>. (Accessed: 01.02.2020).

Received: 12 March 2020